

Игорь Зотов

Рефлексия

— ВЫ ИЗДАЕТЕ книги современных авторов, причем авторов, так или иначе продолжающих традиции «великой русской». Какова, на ваш взгляд, литературная ситуация в современной России?

— Шестидесятники, увы, не поняли, не нащупали смысла хитрейших завороченностей второй реальности, в которой все возможно, поскольку ныне вторая реальность отделена от государства. И не имеет никакого влияния на государство. Вся литература только этого и добивалась в течение всего своего пути.

И вот она брошена государством на произвол судьбы.

Остолбеневшая от этого литература стоит в голом поле и вопит: «Верните мне власть надо мною государства, дайте мне цензуру и редакторов-церберов, гоните меня, зажимайте, я хочу пострадать, дайте возможность публично пострадать!»

Так хочет страдать Дума. Так хочет страдать президент. Так хочет страдать администрация президента. Так хочет страдать охрана

Прозаик, директор издательства «Книжный сад» Юрий Кувалдин родился в 1946 г. в Москве. Своими писательскими удачами считает романы «Так говорил Заратустра» («Книжный сад», 1994), «Избушка на елке» («Советский писатель», 1993), повести «Поле битвы — Достоевский» («Дружба народов», 1996, № 8), «Ворона» («Новый мир», 1995, № 6). Из современных прозаиков ценит Юрия Давыдова, Алексея Варламова, Бориса Екимова, Олега Павлова и Фаиза Искандера. Кроме того — Сергея Довлатова, Юрия Казакова и Юрия Домбровского. Из классиков — Достоевского и Чехова.

никогда в издательском деле не бывает. Авторы никогда не поймут проблем издателя, поэтому Достоевский понял себя, а я себя через свой «Книжный сад».

— Но ваши тиражи несравнимы с тиражами «акул» издательского бизнеса...

— Прежде были читатели «толстых» журналов поневоле. Другого чтения не было! Теперь глянцевого поппа обнаженными ягодицами удовлетворила спрос (рыночная экономика!), и пошло понижение (американизация) культуры. Как только одерживает верх режим, так все ходят по тротуару, переходят улицу на зеленый сигнал светофора, читают Библию и Гёте; но стоит сбросить диктаторов, получить свободу, как тут же едут на «красный», открывают публичные дома и отказываются от чтения даже букваря. Какое-то извечное стремление к свободе в пещере. Хомо сапиенсом прямоходящие никак становиться не желают.

и Стреляного: законы Достоевского, Ломоносова и текущей литературы, поскольку Россия — страна литературная, иначе — просто литература. Поэтому деньги здесь нужны только для того, чтобы Настасья Филипповна швырнула их в камин. Это и есть тот самый третий путь России. Америка нам не указ. Да и как может что-то нам говорить страна без истории и без традиций?! Поставщики поппы: пуля в лоб, половой акт... Только безбожники могут поклоняться денежному знаку (золотому тельцу)... это мир приматов; другого им не требуется. А приматы всего мира равны. Поэтому они так легко по праву большинства (у интеллигента — один ребенок, у примата — двадцать) овладевают ситуацией в государственной машине. В правительствах — люди с пониженной культурой (или вовсе без нее). Вывод неутешительный: никогда в правительствах не будет культурных людей.

ДАЙТЕ ПОСТРАДАТЬ ПУБЛИЧНО!

Прозаик Юрий Кувалдин ставит себя в ряд с Ломоносовым и Достоевским

Кувалдин на фоне бесов.

Фото Леонида Ковалева

президента. Так хочет страдать оппозиция. Так хочет страдать Гамлет.

Одна из задач литературы — изолировать этих страдальцев, не высылать к ним стемочных групп, не писать о них в газетах, не говорить по радио.

Будущее человечества — изоляция всех этих правителей — гоголевских персонажей.

— Стало быть, вы тоже хотите «пострадать»?

— Вся эта жизнь — литература. Моя — в том числе. Я родился 50 лет назад прямо в литературе: в «Славянском базаре», где жила «Дама с собачкой», то есть в доме № 17 по ул. 25 Октября; прежде и ныне — Никольской. Учился вместе с Тредиаковским, Кантемиром и Ломоносовым в Славяно-греко-латинской академии, то есть в школе № 177.

Итак, литература отделена от государства. Поэтому страдать в одиночестве — и чтобы никто о ее страданиях не узнал — не хочет. Публично хочет страдать, на сцене, чтобы все видели! Но эта хитрость литературы раскушена и выплюнута, как семечная шелуха. Потребители литературы сбросили с себя цепи — ведь только в цепях хорошо страдаете и ищется сочувствие в своих страданиях у той же страдальческой литературы, — освободились и без спросу у государства пустились во все тяжкие новой жизни.

Наипервейший страдалец в литературе — Достоевский — выслал собственными силами «Бесов» в количестве 3500 экземпляров в 1873 году. Заканчивала продажу Анна Григорьевна после смерти мужа в 1881 году.

Да здравствуют времена Достоевского! Мы в них вернулись!

Нужно своею жизнью составлять суть писаний, а это — жертва. Вся-то жизнь — невольность.

Достоевский навещает Суворина в «Славянском базаре». А Мережковскому говорит: «Чтобы хорошо писать, страдать надо, страдать!» Перед смертью получает прощальное Свидетельство на мелочной торг (имеется в виду Книжная торговля Ф.М. Достоевского). Иду по следу: открываю свою книжную торговлю; и не где-нибудь, а на легендарной Орданке у Ахматовой. Стою теперь в ее коммуналке, смотрю на церковь в переулке и бормочу ее строки:

Россия Достоевского. Луна Почти на четверть скрыта

Достоевскому — 175, Ломоносову — 285, причем с Ломоносовым я родился в один день — 19 ноября. «Всепожирающее время», — сказал Овидий. Плюс-минус тысячелетие. А свободных денег вообще

Подделываться же под народ (идти на поводу у спроса) — значит двигаться к этой пещере. Во всем двойственность и непостоянство, обмен веществ и размножение.

Скажу резко вместе с Ломоносовым и Достоевским: никогда русская культура не была и не будет рыночной!

Человек рождается пустым сосудом. Что в этот сосуд нальем?

— Вы лично, кроме книг, вами изданных, заполняете этот сосуд весьма занятным содержанием... Я имею в виду ваши последние повести — «Ворона» и «Поле битвы...».

— Человек рождается (наш человек) в русский язык. Язык — над; человек — под. Писатель — над. К нему надо подниматься. Буду писать еще сложнее, чем писал. В «Дружбе народов» № 8 за этот год напечатана моя повесть «Поле битвы — Достоевский». Хороший критик Станислав Рассадин, прочитав, сказал: «Ничего не понял»; Карен Степанян, специалист по Достоевскому, заметил: «Мне непонятна позиция автора»; Юрий Давыдов, один из любимых мною современных серьезных (философских) писателей, позвонил: «Написано плотно. Прочитал две главы и сам завелся. Начал новую вещь. Потом дочитаю».

Что говорить о рядовых читателях?

«Выше стропила, плотники!» Придуманый мир. Хорошо, что я понимаю, что он придуман. Придумана история, придумана Москва. Почему в России нет городов? Я не понимаю. Почему Россия — это лишь географическая карта? Где порывы к освоению территории? Где новая столица? Паутина Москвы не выдержит устремленности «мерсов» к Кремлю. Бразилия додумалась до новой столицы. А Россия? Думать, что ли, не умеет?

Поднимите веки Вио, который листает телефонную книгу на Красной площади, покажите ему Солнце, которое скоро погаснет, и Земля сойдет с кругов своих. Что вы будете объяснять спасшимся в Ковчеге перелетевшим (идеи Федорова и Циолковского) на другие планеты, климатически сходные с Землей? Что вы строили коммунизм? Что вы боролись с КПСС? Или бездумно размножились, плодя себе подобных?

— Тут мы плавно скатились к российскому «смыслу жизни»...

— Да, в чем смысл жизни?

Шестидесятники погружены в социальность, которая есть сон разума. Не было и не могло быть ни социально-экономических формаций, ни классов, ни проблем мира и социализма.

В России действуют другие законы вопреки установкам Пияшевой

Итак, России ни коммунизм не подходит, ни демократия с рыночной экономикой. России нужна культурная аристократия, с экзаменовой (и, разумеется, медицинским освидетельствованием) кандидатур в правители. От двуногих Россия устала!

Еще раз: России нужна новая идея в виде строительства новой столицы в географическом центре где-нибудь за Уралом. Первая партия освобождающих Москву — управленцы всех уровней (гоголевские персонажи), в лексике которых преобладают два слова: «налоги» и «бюджет». Еще «Муму» не прочитали, а уже о сборе налогов и о бюджете рассуждают. Даже неловко как-то говорить об этом в стране страдальческой литературы. За ними из Москвы потянутся мигом все присосавшиеся к бюджету.

Итак, созрел лозунг: сошлем бюджетников за Урал, вместе с «мерсами» и джипами, ездящими на красный свет, вместе с пейзажами и факсами, вместе с сотовой связью и охраной... Балласт (бюджет) в литературной стране (все эти чиновники, генералы с десятью звездами на погонах и пр.) может быть только в 10 процентов. Поэтому вклиниваю вместе с Достоевским и Ломоносовым голос в защиту производителей: всех мытарей — за Урал! Один налог остается в 10 процентов — подходящий. Никаких балансов и реверансов перед контрольно-ревизионной критикой социалистического реализма.

Остальных — на вольные хлеба. Армии всех стран мира упраздняются. Россия вступает в НАТО, где нет даже рогатки. Все люди на Земле переходят на великий могучий русский язык. Изучают Обломова и Штольца.

Обломов и Штолец в одном. Проктер энд Гэмбл.

— Сияющая перспектива. Особенно в стране, обозванной Лениным «Палатой № 6»?

— Да, в стране, похожей на «Палату № 6». Глядя через это окно на колокольню, я часто вспоминаю ахматовское:

Огромная подводная ступень,
Ведущая в Нептуновы владения, —
Там стынет Скандинавия,
как тень,

Вся — в ослепительном
одном виденье.

Безмолвна песня, музыка нема,
Но воздух жегется

их благоуханьем,
И на коленях белая зима

Следит за всем с молитвенным
вниманьем.

Писателем может быть очень субъективный, очень капризный человек, сдвинувший со стола всех богов, как статуэтки.

Литература стояла, стоит и будет стоять на противоречиях. Литература — высший род деятельности человека. Писатель на облаках, как Бог. И философы, и социологи, и экономисты — все ниже. Заготовки для писателя. Ибо писатель мыслит образами, сам растворяясь в этих образах. Таким образом, все живые существа — лишь материал для писателя. Поскольку бессмертие — это литературное произведение, пережившее свое время. Всю уходит в песок. Материальная культура трагична. Слово — бессмертно.

Россия — страна высокого литературного стиля. Даже прослезившись от этой высоты, от «высокой болезни».

А может быть, жизнь есть штука?

— Несомненно, это так. Но все же в ваших повестях просто какой-то разгул аллюзий. «Ворона» — это «Чайка» сегодня, а «Поле битвы...» говорит само за себя...

— Вечность в руках писателя и писателем определяется. Поскольку русских писателей во времена Моисея не было, они и не создали магическую книгу вроде Библии, а если бы были, написали бы нечто подобное, чтобы прямоходящие хоть немного соблюдали правила общности.

Проблема перестает существовать, когда толкуют о ней запросто. В конечном счете, все мы живем в одно время: и Достоевский, и Ломоносов, и Чехов, и Есенин...

И мотивы сближения вызывают у меня определенный интерес. Здесь не правит здравый смысл — сторожевой пес, не пропускающий двойственности, создающий однородный мир, где человек уютно огражден от потрясений.